

© 2016 г.

В.С. ДУДАРЕВ

БИСМАРК: “НЕ ВИЖУ МОТИВОВ, ЧТОБЫ УВЕЛИЧИВАТЬ МЕЖДУ НАМИ И РОССИЕЙ ТРЕЩИНУ”

Одной из ключевых проблем европейской политики XIX в., не получивших эффективного политического урегулирования на Венском конгрессе 1814–1815 гг., был германский вопрос. Политическая напряженность в нем достигла своего апогея в годы министерства Отто фон Бисмарка в Прусском королевстве. Предложенная им модель радикального решения не только изменила систему взаимоотношений германских государств и привела к возникновению сильной Германской империи, но оказала большое влияние на последующее развитие европейской политики и фактическое упразднение Венской системы международных отношений. Однако при всем выдающемся политическом таланте Бисмарка, Прусское королевство не могло в одиночку приступить к столь рискованному предприятию, поскольку нуждалось в надежном союзнике, каким на протяжении нескольких десятилетий для Пруссии стала Россия.

Целью статьи является определение основных вех и характеристика российского направления внешней политики Отто фон Бисмарка по отношению к Российской империи накануне объединения Германии.

Хронологические рамки исследования формируют две важные для биографии Бисмарка даты: 1851 г. (начало его дипломатической деятельности) и 1871 г. (создание Германской империи).

Для мировой историографии Бисмарк является, пожалуй, одним из самых известных государственных деятелей. Уже в 1966 г. насчитывалось более 6 тыс. книг и статей на 15 языках, посвященных ему, его эпохе и событиям, с ним связанным¹; их “к настоящему времени стало едва ли не вдвое больше”², а 200-летний юбилей “железного канцлера” значительно повысил интерес к нему³. Несмотря на то, что “одних только работ с названием “Бисмарк и Россия” насчитывается около полутора десятков”⁴,

---

Дударев Василий Сергеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ. Проект № 15-18-00135 “Индивид, этнос, религия в процессе межкультурного взаимодействия: российский и мировой опыт формирования общегражданской идентичности”.

¹ Bismarck-Bibliographie: Quellen und Literatur zur Geschichte Bismarcks und seiner Zeit. Köln, 1966.

² *Медяков А.С.* “Наш Бисмарк”? Россия в политике и взглядах “железного канцлера” Германии. – Российская история, 2015, № 6, с. 63.

³ *Steinberg J.* Bismarck: A Life. Oxford, 2012; *Kolb E.* Otto von Bismarck: eine Biographie. München, 2014; *Engelberg E.* Bismarck: Sturm über Europa. München, 2014; *Nonn C.* Bismarck: ein Preuße und sein Jahrhundert. München, 2015; *Kraus H.-C.* Bismarck: Größe, Grenzen, Leistungen. Stuttgart, 2015; *Mayer T.* Bismarck: Der Monolith. Reflexionen zu Bismarck am Beginn des 21. Jahrhunderts. Osburg, 2015.

⁴ *Медяков А.С.* Указ. соч., с. 63.

в основном, интерес историков связан с российско-германскими отношениями после 1871 г.⁵ В историографии есть работы, в которых затрагивались более ранние сюжеты⁶, но фундаментального исследования, где данная тема анализировалась в хронологических рамках с 1851 по 1871 г., еще не существует. Это определяет историографическую актуальность статьи.

Комплексное изучение всех раскрывающих российско-германские отношения личных и официальных материалов Бисмарка, документации министерства иностранных дел (МИД) Пруссии и Северогерманского союза за 1851–1871 гг. не проводилось. Их анализ позволяет поставить перед исследователями новые вопросы и критически оценить существующие в науке позиции и мнения, что определяет источниковедческую актуальность работы. Основной массив многочисленных источников был опубликован в Германии на немецком языке в конце XIX – первой трети XX в.; на русский язык эти материалы за редким исключением⁷ переведены не были. При исследовании данной темы основными являются три источника: мемуары Бисмарка, в которых он объяснял цели и принципы своей политики⁸; многотомное полное собрание официальных документов и личной корреспонденции “железного канцлера”⁹; сборник официальной документации МИД Прусского королевства, а позже Северогерманского союза за 1858–1869 гг.¹⁰

Поиск новых подходов в оценке деятельности “железного канцлера” в рамках празднования в 2015 г. 200-летия Бисмарка и Венского конгресса также свидетельствует о современном запросе на изучение этих проблем¹¹.

Назначению Бисмарка 22 сентября 1862 г. на пост министра-президента Прусского королевства с совмещением должности министра иностранных дел, после чего он фактически определял внешнюю политику Пруссии, а затем и Германии в течение

---

⁵ *Ebel W.* Bismarck und Russland vom Prager Frieden bis zum Ausbruch des Krieges von 1870. Gelnhausen, 1936; *Wittram R.* Bismarcks Russlandpolitik nach der Reichsgründung. – *Historische Zeitschrift*, 1958, № 186; *Kumpf-Korfes S.* Bismarcks “Draht nach Russland”: Zum Problem der sozial-ökonomischen Hintergründe der russisch-deutschen Entfremdung im Zeitraum von 1878 bis 1891. Berlin, 1968; *Сказкин С.Д.* Конец австро-русско-германского союза. 1879–1885. М., 1974; *Janorschke J.* Bismarck, Europa und die “Krieg-in-Sicht”-Krise von 1875. Paderborn, 2010.

⁶ *Нольде Б.Э.* Петербургская миссия Бисмарка 1859–1862 гг. Россия и Европа в начале царствования Александра II. Прага, 1925; *Heinze G.* Bismarck und Rußland bis zur Reichsgründung. Würzburg – Aumühle, 1939; *Ревуенков В.Г.* Польское восстание 1863 года и европейская дипломатия. Л., 1957; *Нарочницкая Л.И.* Россия и войны Пруссии в 60-х гг. XIX в. за объединение Германии “сверху”. М., 1960; *Ерусалимский А.С.* Бисмарк. Дипломатия и милитаризм. М., 1968; *Шнеерсон Л.М.* Франко-прусская война и Россия. Из истории русско-пруссских и русско-французских отношений в 1867–1871 гг. Минск, 1976; *Чубинский В.В.* Бисмарк. Политическая биография. М., 1988; *Иваняков Р.И.* Бисмарк в Петербурге: политическая деятельность О. Бисмарка в период пребывания на посту посланника в Санкт-Петербурге (1859–1862 гг.). Псков, 2008; *Дударев В.С.* Петербургская миссия Отто фон Бисмарка: 1859–1862. Политическая ссылка или дипломатический успех. СПб., 2013.

⁷ *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. М., 1940; *Бисмарк О. фон.* Личная корреспонденция из Санкт-Петербурга. 1859–1862. СПб., 2013.

⁸ *Бисмарк О. фон.* Воспоминания, мемуары, т. 1–2. М. – Минск, 2002.

⁹ *Bismarck O. von.* Die gesammelten Werke (далее – GW), 15. B-de. Berlin, 1924–1935; *Bismarck O. von.* Werke in Auswahl (далее – WiA). Darmstadt, 2001.

¹⁰ Die auswärtige Politik Preußens: 1858–1871 (далее – APP), 10. B-de. Oldenburg, 1933–1939.

¹¹ В 2015 г. Фонд имени Бисмарка в Германии организовал 40 мероприятий, посвященных 200-летию юбилею Бисмарка. В 2015 г. были проведены: симпозиум “Прусско-немецко-русские отношения в эпоху Отто фон Бисмарка” (3 июля, Санкт-Петербург), симпозиум Австрийско-русской комиссии историков “Переустройства Европы. От Венского конгресса до 1989–1991 гг.” (24 июля, Вена), международная научная школа молодых историков “200-летие Венского конгресса и его значение для современных международных отношений” (9–13 ноября, Москва), международная конференция “Европейский порядок XIX – XXI вв.” (26 ноября, Москва), беседа в резиденции посла ФРГ в России, приуроченная к 200-летию юбилею Бисмарка (10 декабря, Москва).

почти 38 лет, предшествовали 11 лет его руководства прусскими дипломатическими представительствами за рубежом.

Во Франкфурте-на-Майне, “этой лисьей норе Союзного Сейма”, Бисмарк был занят, прежде всего, обсуждением германских вопросов и изучением “всех ходов и выходов вплоть до малейших лазеек”¹². Свою основную задачу он видел в нанесении поражения австрийской политике даже в самых малозначительных германских делах¹³. Взгляды Бисмарка на международную ориентацию Пруссии выделяли его из числа консерваторов, считавших главным союзником Австрию¹⁴, и либералов, выступавших за тесные отношения с западными странами¹⁵.

Выход из сложившейся для Пруссии после политического проигрыша в Ольмюце в 1850 г.¹⁶ ситуации Бисмарк видел в укреплении отношений с Россией, поскольку в отношениях с остальными великими державами, по его мнению, существовало значительно больше спорных вопросов. В переписке с прусским министром-президентом О. фон Мантейффелем он повторял: “не вижу никаких мотивов, чтобы каким-либо способом умышлено увеличивать между нами и Россией трещину, которая и могла непреднамеренно возникнуть при расхождении в наших интересах”¹⁷. Бисмарк опровергал агрессивность внешней политики царя Николая I; называл ее “более консервативной и тенденциозной, нежели захватнической” и полагал, что российский император “имеет достаточно земель, чтобы быть счастливым, если ему удастся защитить их вопреки течению времени”¹⁸.

Куда более важным, по мнению Бисмарка, было не только отсутствие прямой угрозы Пруссии со стороны России, но даже единство интересов, особенно в польском вопросе. Он полагал, что Англия и Франция не отказались от планов восстановления независимости Польши; эти проекты “рано или поздно со всей решительностью могли выступить на первый план как единственное средство к ослаблению российского могущества”¹⁹. Бисмарк считал, что воссоздание польского государства явилось бы “ослаблением России, из-за которого она не смогла бы отомстить за себя”²⁰. Независимая Польша также угрожала государственной целостности Пруссии, которой пришлось бы “пожертвовать для ее приданого те земли, без которых вообще не сможем существовать: земли по нижней Висле, Познань и все, что говорит в Силезии по-польски. Но даже и в этом случае мы бы не смогли быть уверены в мире с ними, возникни у нас затруднительное положение”²¹. Планы территориальных отторжений и даже территориального разделения Российской империи, выдвигаемые западными политиками в середине XIX в., Бисмарк называл “ребяческими утопиями”²². Он также не одобрял попытку германских либералов «рассматривать в своих планах будущей Европы

¹² Бисмарк О. фон. Воспоминания, т. 1, с. 286–287.

¹³ Бисмарк одержал победу над Австрией в трех важных вопросах: подготовке более либерального законодательства о печати, создании прусского военно-морского флота и сохранении патронажа Пруссии в Таможенном союзе.

¹⁴ В основном, это представители правившей в тот момент в Пруссии консервативной “камарили” в лице генерал-адъютанта Л. фон Герлаха, его брата Э. фон Герлаха, министра культуры и просвещения К. фон Раумера и министра внутренних дел О. фон Вестфаллена.

¹⁵ Главный противник “камарили”: партия “Еженедельника”, получившая свое название по основанному ею в 1851 г. печатному органу “Preußisches Wochenblatt zur Besprechung politischer Tagesfragen”. Ее представляли: юрист М. фон Бетман-Гольвег, дипломаты Р. фон дер Гольц, Г.Э. Фюрстенберг-Штаммгейм и А. Пурталес.

¹⁶ Ольмюцское соглашение 30 ноября 1850 г. было последней крупной победой австрийской дипломатии в борьбе с Пруссией за гегемонию в германских землях.

¹⁷ Bismarck an Manteuffel, 23.II.1854. – GW, Bd. I, S. 429.

¹⁸ Bismarck an Manteuffel, 23.X.1852. – WiA, Bd. I, S. 496.

¹⁹ Bismarck an Manteuffel, 25.VII.1854. – GW, Bd. I, S. 473.

²⁰ Bismarck an Manteuffel, 16–17.VI.1854. – WiA, Bd. II, S. 18.

²¹ Bismarck an Manteuffel, 23.II.1854. – GW, Bd. I, S. 430.

²² Бисмарк О. фон. Воспоминания, т. 1, с. 164.

60 миллионов великороссов как “*carut mortuum*”²³» и критиковал возможность “этот народ... как угодно третировать, не превращая его тем самым неизбежно в союзника всякого будущего врага Пруссии”²⁴.

На время франкфуртской миссии Бисмарка пришлось поражение Российской империи в Крымской войне 1853–1856 гг. Прусский дипломат отмечал, что война разрушила традиционную для николаевской России международную ориентацию на Австрию и Пруссию. Основная вина в этом лежала на “неблагодарной” Австрии, занявшей антирусскую позицию²⁵. Бисмарк призывал Пруссию к четкому следованию политике нейтралитета во время Крымской войны²⁶, что способствовало бы максимальному ослаблению русско-австрийских связей. Политика нейтралитета позволяла Пруссии рассчитывать в будущем на поддержку России в решении германского вопроса²⁷.

После войны, когда в отношениях между Россией и Францией наметилось потепление, Бисмарк советовал Мантейффелю не быть противником присоединения Пруссии к этому альянсу, поскольку русско-французское сближение могло приобрести антипрусскую направленность²⁸. Во время подготовки свидания Наполеона III и Александра II в Штутгарте Бисмарк писал Мантейффелю, что Пруссия “более не может быть посторонней этой встрече”²⁹ и должна стремиться участвовать в ней. Он считал, что Пруссия вновь займет в Германии лидирующее положение, “когда благодаря встрече трех монархов, возможность будущего альянса станет более реальной”³⁰. В Петербурге такая идея нашла самый живой отклик³¹.

Это позволяло политическим соперникам обвинять Бисмарка в служении интересам России и Франции. Неоднократно в переписке с О. Мантейффелем и Л. Герлахом он доказывал свою приверженность государственным интересам исключительно Пруссии: “сообщения из Берлина говорят мне, что при дворе меня считают бонапартистом. Ко мне несправедливы. В 50-е годы мои противники обвиняли меня в предательской симпатии к Австрии и нас называли венцами в Берлине; позднее решили, что мы пахнем юфтью, и называли нас казаками со Шпрее. В то время на вопрос, я – за русских или западные державы, я всегда отвечал – за пруссаков, и мой идеал во внешней политике – свобода от предубеждений и независимость от симпатий или антипатий по отношению к иностранным государствам и их правителям... Я с одинаковым удовлетворением буду смотреть на наши войска, сражающиеся против французов, русских, англичан или австрийцев, как только мне докажут, что это находится в интересах здоровой и хорошо продуманной политики Пруссии”³², а в конце 1850-х годов, по мысли Бисмарка, поводов для ухудшения отношений с Россией у Пруссии не было.

Несмотря на тяжелое внутреннее положение России после Крымской войны, Бисмарк считал ее сильной и могущественной державой, способной на будущий реванш. Но для этого, по его мнению, необходимо было мудрое управление страной. Еще во время Крымской кампании Бисмарк был удивлен, что Россия вступила в борьбу со многими грозными соперниками, будучи материально и стратегически неподготовленной, опираясь лишь на храбрость своего народа. После поражения русских войск

²³ “Мертвая голова” – оставшиеся в тигле и бесполезные для дальнейших опытов продукты производимых алхимиками реакций; в переносном смысле: нечто мертвое, лишненное смысла.

²⁴ *Бисмарк О. фон*. Воспоминания, т. 1, с. 164.

²⁵ Bismarck an Manteuffel, 15.VII.1853. – GW, Bd. I, S. 355.

²⁶ Bismarck an Gerlach, 20.II.1854. – GW, Bd. XIV, T. 1, S. 345; Bismarck an Gerlach, 29.III.1854. – Ibid., S. 348; Bismarck an Manteuffel, 15.II.1854. – GW, Bd. I, S. 427.

²⁷ Bismarck an Manteuffel, 16.II.1856. – GW, Bd. II, S. 126.

²⁸ Bismarck an Manteuffel, 26.IV.1856. – Ibid., S. 144.

²⁹ Bismarck an Manteuffel, 3.VII.1857. – Ibid., S. 242.

³⁰ Ibidem.

³¹ Bismarck an Manteuffel, 3.VII.1857. – Ibid., S. 243. *Тарле Е.В.* Крымская война, в 2-х т. М. – Л., 1941–1944, т. 1, с. 547–548.

³² Bismarck an Gerlach, 10.V.1857. – GW, Bd. XIV, T. I, S. 469; *Бисмарк О. фон*. Воспоминания, т. 1, с. 241.

в боях при Альме, под Балаклавой и Инкерманом Бисмарк писал Герлаху: “Почему русские не имеют больше войск в Крыму? Там находится их единственное уязвимое место, а у них даже нет там флота, так что они должны приходиться в ужас даже от трех турецких галер; на любом другом сухопутном направлении враг мог бы пройти без особых потерь 100 миль”³³. Укором русским властителям звучали его слова: “создается такое впечатление, что в самой России отсутствует необходимая для управления страной мудрость”.

Бисмарк имел смутное представление о российских государственных деятелях, взявших бремя управления страной в непростое время, хотя свое первое впечатление о русском политике А.М. Горчакове уже сумел составить; оно было, к слову говоря, нелюбимым. Бисмарк считал Горчакова “тщеславным и церемониальным господином”³⁴, называл его “церемониальный и негибкий Ганс-дурак, лиса в деревянных башмаках, когда он хочет схитрить”³⁵.

Возможность изменить это первое представление о Горчакове, а также познакомиться с императором всероссийским и другими русскими политиками Бисмарк получил уже в Петербурге, куда он был направлен в 1859 г. в качестве посланника Прусского королевства. Назначение Бисмарка на этот пост совпало с началом политического курса “новой эры” принца-регента Вильгельма, и стало следствием придворных интриг в Берлине³⁶.

Прусский дипломат прибыл в российскую столицу в тот момент, когда над Европой вновь нависла опасность общеконтинентальной войны. Итальянская война 1859 г. Австрии против Сардинии и Франции грозила втянуть в свою орбиту весь Германский союз, а за ним и Россию.

Великий князь Константин Николаевич Романов писал своему брату, царю Александру II: “если Германия с Пруссией во главе поймут свое настоящее положение и не будут вмешиваться в дело, которое вовсе до них не относится... тогда все пойдет хорошо и мы останемся в покое”³⁷. Острота момента заключалась в том, что, как и в годы Крымской войны, Вена хотела придать предстоящему противостоянию общегерманское значение. Австрийский министр К. Буоль апеллировал к статьям Венского Заключительного Акта 1815 г.³⁸, по которым германские государства должны были оказать военное сопротивление в случае нападения на территорию Германского союза или угрозы его безопасности. Итогом этого могло стать вступление всей Германии в войну и открытие франко-прусского фронта. Однако Ломбардо-Венецианская провинция, за которую разгорелся спор, не входила в состав Германского союза. Поэтому, согласно статье 46 Заключительного акта Венского конгресса, германские государства имели право остаться нейтральными. В письме российскому послу во Франции П.Д. Киселеву 3 мая 1859 г. Горчаков настаивал на том, что “сейчас весьма важно помешать Германии активно присоединиться к Австрии. Единственное средство достичь этого, это удержать Пруссию в духе позиции, которую... она заняла. Для этой цели надо употребить любые усилия. Намерение и интерес Австрии в том, чтобы война стала всеобщей”³⁹.

³³ Bismarck an Gerlach, 13.X.1854. – GW, Bd. XIV, T. I, S. 369.

³⁴ Bismarck an Manteuffel, 21.IV.1854. – Ibid., S. 441.

³⁵ Bismarck an Gerlach, 21.IV.1854. – Ibid., S. 354.

³⁶ Bismarck an Schwester Malwine, 10.XII.1858. – Ibid., S. 495.

³⁷ Вел. кн. Константин Николаевич – Александру II, 11/23.III.1859. – 1857–1861. Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича. М., 1994, с. 97.

³⁸ Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. III. СПб., 1905, с. 229–333; Klüber. “Acten des Wiener Congresses in den Jahren 1814 und 1815”, Bd. 6. Erlangen, 1819, S. 3–96.

³⁹ Горчаков – Киселеву, 3.V.1859. – Красный архив, 1938, т. 3(88), с. 231.

Расширение конфликта, а тем более активное участие России в вооруженных действиях противоречило планам царя реализовать задуманные им преобразования, необходимые для страны. “Дай Бог, – писал Александру II великий князь Константин, – чтобы война, в которой я почти что не сомневаюсь, прошла, не коснувшись ее (России. – *В.Д.*), дабы не остановить ее теперешнего развития сословного и промышленного”⁴⁰. На это обстоятельство Бисмарк обращал внимание принца-регента: “российское правительство имеет исключительно все основания желать мира. Оно имеет потребность в спокойствии и благосостоянии капиталистического мира... беспорядки... были бы так же губительны, как непосредственное участие (России. – *В.Д.*) в войне за пределами своих границ”⁴¹.

О поддержке Бисмарком позиции нейтралитета и его стремлении к укреплению отношений с Россией прекрасно знали в Петербурге. Политическая линия Бисмарка была в высшей степени благожелательно встречена российской элитой, прежде всего императором. Бисмарк писал своим родным в Германию: “Император выделяет меня таким манером, который обеспечивает мне положение фамильного посланника, как во времена его отца; я единственный дипломат, имеющий более интимный доступ к его персоне”⁴². Это во многом отражало изменение в отношении Александра II к самой Пруссии, что стало приобретать актуальность в связи с меняющимися событиями на континенте.

Подписание 8 июня 1859 г. в итальянском городе Виллафранке прелиминарного мирного договора между Австрией и Францией удивило своей неожиданностью и секретностью всю Европу, но более всего Петербург. Наметившееся в связи со слухами о польском легионе Наполеона III охлаждение российско-французских отношений усилилось. Бисмарк телеграфировал в Берлин: “Император Александр желает установить с нами связи теснее, чем когда-либо и испытывает по отношению к прозрачности мирных намерений некоторое недоверие. Все было разыграно без ведома России”⁴³.

Потепление русско-пруссских отношений было не случайным. Россию и Пруссию сближала необходимость решения схожих внутри- и внешнеполитических проблем. Первостепенное значение имело проведение внутренних преобразований, что выразилось в реформах российского императора, а также в начале “новой эры” Вильгельма и его попытках разрешить внутривосточный кризис в Пруссии. Важной задачей для обоих государств являлось укрепление своего статуса в международных отношениях. Кроме того, Петербург и Берлин тесно связывал польский вопрос. Сотрудничество с Пруссией царь решил использовать для умирения Франции. Бисмарк сообщал, что Александр II “никогда откровенно не пойдет на внушения, идущие из Тюильрийского кабинета”⁴⁴. Бисмарк отмечал стремление русского монарха ввести политику Франции, угрожающую многонациональным государствам, в русло законности и соблюдения международного права. На аудиенции в июне 1860 г. царь просил Бисмарка передать в Берлин: “Я говорю Вам открыто, что хотел бы создать союз между Пруссией, Россией и Францией, поскольку я вижу в нем в настоящий момент самое простое и самое действенное средство для сохранения безопасности в Европе”⁴⁵.

Этот факт прежде не был известен в отечественной историографии. Историки Б. Э. Нольде, Е.В. Тарле и В.Г. Ревуненков сходились во мнении, что ухудшение отношения российского императора к Франции произошло с началом польского восстания.

⁴⁰ Вел. кн. Константин Николаевич – Александру II, 11/23.III.1859. – 1857–1861. Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем, с. 97.

⁴¹ Bismarck an den Prinz-Regenten Wilhelm, 27.IV.1859. – Die politischen Berichte des Fürsten Bismarck aus Petersburg und Paris (1859–1862), Bd. 1–2 (далее – *РВ*). Berlin, 1920, Bd. I, S. 199.

⁴² Бисмарк – Венцелю, 1.VII.1859. – *Бисмарк О. фон*. Личная корреспонденция из Санкт-Петербурга, с. 122.

⁴³ Bismarck an Schleinitz, 16.VII.1859. – *РВ*, Bd. I, S. 229.

⁴⁴ Bismarck an den Prinz-Regenten Wilhelm, 14.VI.1860. – *Ibid.*, S. 232.

⁴⁵ *Ibidem*.

Приводимый документ доказывает, что изменение отношения Александра II к Франции не было резким; ослабление политического диалога Зимнего дворца с Тюильри началось в 1859 г., а не в 1863 г.

Фактический отказ Франции поддержать Россию в ее стремлении отменить ограничительные статьи Парижского мирного договора, симпатии Наполеона III национальному движению в Европе встречали в Петербурге негативную оценку. С 1860 г. Александр II стал чаще высказываться в пользу укрепления прусско-российских отношений. Петербург заявлял о своей поддержке Пруссии в ее противостоянии с Австрией в германских странах. На встрече с Бисмарком 23 ноября 1861 г. Горчаков заявил: «Мы желаем германского единства и могущества. Мы рассматриваем это как основное положение нашей собственной политики. Наш лучший друг в Германии – это Пруссия, и мы хотели бы, чтобы Германия консолидировалась под прусским руководством... в области оборонительной мощи и благосостояния Германии, идущих рука об руку с нашей политикой, невозможно достичь каких бы то ни было практических результатов, как только по пути прусского предводительства»⁴⁶.

Александр II видел в Пруссии тесного союзника России не только в Германии, но во всей Европе. Об этом он заявил Бисмарку в ходе встречи 8 апреля 1862 г., накануне его отъезда из Петербурга в Берлин. В памятной записке королю Вильгельму Бисмарк подчеркнул: «Император... уполномочил меня после возвращения в Берлин устно уверить Ваше Величество в том, что он решил при любых обстоятельствах крепко держаться тесной дружбы с Вашим Величеством... самый тесный союз с Пруссией признается единственно соответствующим интересам России»⁴⁷. Александр II высказывал уверенность в том, что у России и Пруссии нет оснований стремиться к осуществлению своих интересов за счет друг друга, но есть потребность в оказании взаимопомощи в условиях сохранения революционной опасности в Европе и необходимости проведения внутривнутриполитических преобразований.

В Петербурге в 1861 г. Бисмарк стал свидетелем исторического для России события: отмены крепостного права. Считая крестьянство основой общественного устройства России и крепким базисом проводимых императором Александром II преобразований⁴⁸, Бисмарк полагал, что улучшение земельных отношений в деревне способствовало бы росту экономического потенциала государства и укреплению финансовой ситуации в стране. Это дало бы возможность провести крупную военную реформу; а при наличии первоклассной армии и флота у России появлялись реальные силы восстановить свое положение в Европе. По мнению Бисмарка, реформа могла укрепить в крестьянстве веру в самодержца и усилить внутреннюю безопасность в империи, что было особенно актуально на фоне начинавшихся беспорядков в Царстве Польском.

Положительно оценивая планы Александра II и цели крестьянской реформы, Бисмарк скептически отзывался о ее проведении; он видел во временнообязанном положении крестьян существенное ограничение их свободы и права передвижения, что вредило отходничеству, по его мнению, важному источнику дохода крестьянской семьи.

Бисмарк критиковал «неповоротливость, с которой продвигаются законодательные работы»⁴⁹, и медлительность царского правительства в таком важном деле, как формирование в деревне новой системы администрации. По его мнению, правительство должно было заняться формированием этой новой администрации еще до начала проведения крестьянской реформы, но никак не в процессе ее реализации. Бисмарк считал «ошибкой... одновременное с отменой крепостного права проведение полного

⁴⁶ Bismarck an Bernstorff, 23.XI.1861. – PB, Bd. II, S. 141.

⁴⁷ Bismarck an den König Wilhelm, 8.IV.1862. – Ibid., S. 187.

⁴⁸ Bismarck an Schleinitz, 18.IV.1859. – PB, Bd. I, S. 15.

⁴⁹ Bismarck an Bernstorff, 16.I.1862. – PB, Bd. II, S. 164.

преобразования полицейской организации”⁵⁰. Это было опасно, поскольку упразднение старых полицейских институтов, слабость, а иногда и отсутствие новых учреждений создавало вакуум, в который мог хлынуть поток революционных идей. Бисмарк предсказывал трагические события в России: “по мере того, как русские будут терять веру в безграничную власть императора, перед страной все отчетливее будет вставать опасность убийственной крестьянской войны”⁵¹.

Время петербургской миссии Бисмарка стало поворотным в истории российско-прусских отношений в XIX в. Стратегическим партнером Российской империи Александр II выбрал Пруссию и остался верен этому выбору вплоть до своей смерти. Три года, проведенных Бисмарком в Петербурге, способствовали его тесному знакомству с Горчаковым, а главное, его сближению с Александром II на почве схожих взглядов на решение внешне- и внутривластных вопросов. Вскоре Бисмарку представилась возможность увеличить полученный от Александра II в Петербурге кредит политического доверия и использовать его на благо Пруссии. Это произошло во время Польского восстания 1863 г., которое застало Бисмарка уже в новой должности министра-президента Пруссии.

Событийная история восстания, а также российско-прусские отношения этого периода подробно изучены⁵². Тем не менее обращает на себя внимание существующая в отечественной историографии оценка двух принципиальных моментов.

Прежде всего, это история с подписанием 8 февраля 1863 г. в Петербурге конвенции между Горчаковым и генерал-адъютантом прусского короля Г. фон Альвенслебена. Это соглашение позволяло русским войскам преследовать польских повстанцев на прусской территории, а прусским войскам — на российской территории.

Бисмарк считал, что инициатива в укреплении российско-прусского сотрудничества в подавлении польских беспорядков не должна была исходить лишь из Берлина в одностороннем порядке. Для него важно было получить нужные сигналы из Петербурга. Ждать пришлось недолго. 24 января российский посланник в Пруссии П.П. Убри заявил, что при любом повороте событий Петербург рассчитывал на помощь Берлина и хотел бы согласовать свою политику в приграничных областях для максимально эффективного противодействия вооруженным отрядам поляков⁵³.

Ситуация стала развиваться в нужном Бисмарку русле. После обсуждения петербургского пожелания с королем Вильгельмом Бисмарк 29 января 1863 г. поручил прусскому посланнику в Петербурге графу Г. фон Редерну узнать у Александра II, не будет ли он против отправки из Берлина в Варшаву Альвенслебена для оценки ситуации и выработки совместных действий. На следующий день Редерн телеграфировал: “император с отправкой в Варшаву генерала Альвенслебена полностью согласен и считает ее в настоящих условиях очень необходимой”⁵⁴.

К 1 февраля 1863 г. Бисмарк составил инструкцию для генерала Альвенслебена⁵⁵. Ее первые строки свидетельствуют о том, что Бисмарк задумывал игру, о которой в Петербурге вероятно не догадывались. Альвенслебену поручалось уделять первостепенное значение беседам с Константином Николаевичем и Александром II и сообщать об их результатах в Берлин. Поскольку Александр II находился в это время в Петербурге, можно заключить, что миссия в Варшаву назначалась скорее для отвода глаз. Успех такого рискованного пути, по мысли Бисмарка, должен был содействовать победе прогерманской партии при дворе Александра II, выступавшей за жесткие меры в подавлении восстания в Польше.

⁵⁰ Bismarck an Bernstorff, 16.I.1862. — Ibid., S. 164.

⁵¹ Bismarck an den König Wilhelm, 10.XI.1861. — Ibid., S. 130.

⁵² Ревуненков В.Г. Указ. соч.

⁵³ Oubril an Gortschakow, 29.I.1863. — APP, Bd. III, S. 214–215.

⁵⁴ Redern an Bismarck, 30.I.1863. — Ibid., S. 214.

⁵⁵ Schreiben an den Generaladjutanten von Alvensleben, 1.II.1863. — GW, Bd. IV, S. 48–49.

О предстоящей миссии Альвенслебена Бисмарк предупредил Редерна. Изменение маршрута генерала он объяснял желанием Берлина узнать отношение императора к прусским предложениям⁵⁶ в рамках совместного урегулирования проблемы. Бисмарк писал о своем недоверии к царской администрации в Варшаве, поскольку «мы имеем основание утверждать, что маркиз Велепольский не поддержит наши взгляды и цели также благожелательно, как мы ожидаем этого от Его Величества Императора»⁵⁷.

2 февраля 1863 г. Альвенслебен выехал из Берлина, 5 февраля был в Петербурге, а уже на следующий день телеграфировал, что император полностью согласился со своевременностью и необходимостью его приезда и на этот же день назначил проведение переговоров между Г. фон Альвенслебеном, А.М. Горчаковым и Д.А. Милютиным. Конвенция, подтверждавшая совместные действия России и Пруссии в подавлении восстания, была подписана 8 февраля 1863 г. Бисмарк писал королю Вильгельму: «конвенция соответствует переданным генералу инструкциям»⁵⁸.

Советский историк В.Г. Ревуненков писал об инициативе Берлина в подписании русско-прусских договоренностей в отношении Польши⁵⁹. Приведенные материалы свидетельствуют, что эта важная внешнеполитическая акция была начата Петербургом. Прусский министр фактически лишь выразил на это свое согласие. Миссия Альвенслебена явилась ответом на озвученное Убри 24 января 1863 г. в Берлине пожелание Петербурга, а также состоявшуюся 30 января 1863 г. между Александром II и Редерном беседу. Что касается формы и содержания договоренностей, то они обсуждались в Петербурге без участия Бисмарка. В инструкции Альвенслебену ничего не говорилось о форме договора, следовательно, письменная форма соглашения – инициатива Петербурга, лишь согласованная с Бисмарком. Содержание конвенции соответствовало переданной Бисмарком Альвенслебену инструкции, о которой знал узкий круг посвященных в это дело лиц.

История с подписанием конвенции внешне выглядит как политическое событие, начатое и организованное по инициативе России, а не Пруссии. Оценка политической ситуации в Петербурге позволила Бисмарку молниеносно действовать в данных обстоятельствах, что в итоге усилило влияние прогерманской партии в Петербурге и укрепило в Александре II понимание необходимости жесткого подавления польского восстания.

Заслуживает внимания еще одна проблема, затронутая В.Г. Ревуненковым. Историк доказывал, что «подделяваясь под истинного “друга” русского царя, изо всех сил спешащего ему на помощь, Бисмарк на деле готовился отнять у царизма его польские владения»⁶⁰. В доказательство он использовал беседу Бисмарка с Берендом⁶¹, а также донесение саксонского посланника в Берлине К. Гогенталя министру иностранных дел Саксонии Ф. Бойсту, в котором значились слова Бисмарка: «Россия могла быть вынуждена оставить Польшу, и в таком случае задача Пруссии заключалась бы в том, чтобы связать великое герцогство Варшавское с династией Гогенцоллернов персональной унией»⁶². Однако выводы В.Г. Ревуненкова были противоречивы: с одной стороны, он писал, что «Бисмарк проектировал оккупацию прусскими войсками Королевства Польского», с другой – утверждал, что «сам Бисмарк... хорошо понимал, что никаких “осложнений” с Францией Пруссия в настоящее время позволить себе не может»⁶³. Та-

⁵⁶ Берлин брал на себя обязательства проводить розыскные мероприятия и возвращать беглых мятежников властям России.

⁵⁷ Bismarck an Redern, 1.II.1863. – GW, Bd. IV, S. 50.

⁵⁸ Bismarck an den König Wilhelm I, 7.II.1863. – Anhang zu den Gedanken und Erinnerungen von Otto Fürst von Bismarck, Bd. I. Stuttgart – Berlin, 1901, S. 51.

⁵⁹ Ревуненков В.Г. Указ. соч., с. 124.

⁶⁰ Там же, с. 141.

⁶¹ Bismarck an Werther, 3.III.1863. – GW, Bd. IV, S. 71.

⁶² Hohenthal an Beust, 19.II.1863. – APP, Bd. III, S. 271.

⁶³ Ревуненков В.Г. Указ. соч., с. 166–167.

ким образом, либо Бисмарк серьезно не рассчитывал на оккупацию Польши, допуская ее возможность лишь в случае ухода русской армии из края; либо, согласно мнению В.Г. Ревуненкова, у Бисмарка все же был агрессивный план захвата польских земель. В последнем случае, Бисмарк выступал в роли недалевого политика, идущего на авантюру с Польшей, но не желая осложнений отношений Пруссии с Францией, что было маловероятно.

Перспектива быть зажатой с одной стороны Францией с ее претензией на рейнские земли, а с другой – профранцузской Польшей с ее желанием восстановления границ 1772 г. ничего хорошего Пруссии не сулила. Однако Бисмарк не впадал в завоевательную истерию и говорил о возможном занятии польских областей лишь в случае оставления их русскими. При этом он руководствовался настроениями, царившими в Петербурге: “Из доверительных бесед, которые я вел частью с князем Горчаковым, частью с самим императором, я мог заключить, что Россия сама не давала никаких гарантий относительно того, что не будет браться с Польшей. Император Александр не прочь был тогда отдать часть Польши; он сказал мне это без обиняков, по крайней мере – по поводу левого берега Вислы”⁶⁴. Этот вывод подтверждают воспоминания чиновника для особых поручений российского министерства финансов Ф.Г. Тернера, который в 1863 г. был командирован в Пруссию. В разговоре с ним “Бисмарк стал высказывать мысль, что для того, чтобы покончить раз навсегда с этими периодически возникавшими польскими смутами, следовало бы разделить Царство Польское между Россией и Пруссией, проведя пограничную линию, кажется, вдоль Вислы”⁶⁵. Этот разговор состоялся в начале 1863 г., а Александр II говорил Бисмарку о левом берегу Вислы в апреле 1862 г. Таким образом, Бисмарк строил свои планы раздела Польши лишь после того, как царь дал ему повод для этого.

Бисмарк едва ли всерьез предавался необоснованным фантазиям о превентивном ударе и захвате польских территорий, учитывая жесткую реакцию Запада на подобные возможные действия, слабость Пруссии и позицию Александра II в отражении любой иностранной интервенции в Польшу⁶⁶. Даже решение о переходе прусскими войсками русской границы в Польше для преследования мятежников было в компетенции императора России⁶⁷; военная помощь Пруссии не должна была превышать комплекса полицейских мер⁶⁸.

Готовность Пруссии выступить вместе с Россией против коалиции западных стран времен Крымской войны с воодушевлением была воспринята в Петербурге. Позиция, занятая Пруссией, в российской столице была во многом персонифицирована в личности Бисмарка, известного противника войны с Россией еще во время Крымской и Итальянской кампаний. Кредит политического доверия, выданный Петербургом Берлину, значительно возростал. Теперь за свою искренность, проявленную на деле, Бисмарк мог справедливо рассчитывать на ответный шаг со стороны России. Он прекрасно знал, что такие принципы как “твердость во взглядах” и “постоянство” определяли внешнюю политику Александра II, “с самой откровенной дружбой преданного”⁶⁹ тому, кто верен ему лично и России. Ответную помощь Россия оказала Пруссии в период решения одного из главных для германской истории вопросов: объединения разрозненных германских земель в единое государство под эгидой Пруссии.

На этом пути Пруссия в короткий промежуток времени прошла через три войны, результатом побед в которых стало создание Германской империи. В противополож-

⁶⁴ Бисмарк О. фон. Воспоминания, т. 1. с. 425.

⁶⁵ Тернер Ф.Г. Воспоминания жизни. СПб., 1910, с. 214–215.

⁶⁶ См. замечание Александра II на полях донесения Убри Горчакову от 12 февраля 1863 г. – АРР, Bd. III, S. 242.

⁶⁷ Gortschakow an Oubri, 13.II.1863. – Ibid., S. 242.

⁶⁸ Gortschakow an Oubri, 20.II.1863. – Ibid., S. 279.

⁶⁹ Bismarck an den Prinz-Regenten Wilhelm, 17.VI.1859. – PB, Bd. I, S. 222.

ность существующим в германской историографии мнениям⁷⁰, в эти напряженные годы Бисмарк в наивысшей степени внимательно следил за настроениями в Петербурге и поддерживал сложившиеся к середине 60-х гг. XIX в. тесные отношения между Пруссией и Россией.

Первый экзамен эти отношения выдержали во время войны Пруссии и Австрии против Дании за спорные приэльбские герцогства Шлезвиг и Гольштейн, формально принадлежавшие Дании, но населенные немцами, недовольными проводимой по отношению к ним политикой агрессивной инкорпорации в состав Датского королевства. Военную кампанию Бисмарк представлял своего рода крестовым походом за восстановление поправных прав немцев в Дании. Фактически ни у России, ни у других великих держав не было повода выдвинуть претензии Пруссии. Нежелание Дании идти на компромисс, подкрепленное началом боевых действий, было воспринято в Берлине и Вене как открытое нарушение Лондонских договоренностей, урегулировавших в 1852 г. датский вопрос⁷¹. Однако 6 марта 1864 г. Австрия и Пруссия подписали дополнительные статьи к соглашению 16 января 1864 г. об оккупации Шлезвига, в которых провозглашалась потеря силы Лондонского протокола в связи с решением датского вопроса военным путем.

Статус Шлезвига и Гольштейна необходимо было определять заново, в связи с чем остро встал вопрос о престолонаследии в спорных герцогствах. По Лондонскому протоколу 1852 г., наследником престола в Дании и эльбских герцогствах был провозглашен принц Кристиан IX. Однако в герцогствах, никогда особо и не признававших правомерность Лондонского протокола, законным наследником признавался принц Фредерик фон Августенбург, за которого было также национальное движение в Германии. В планы Бисмарка не входила поддержка ни одного из этих кандидатов: “Из всех возможных вариантов урегулирования датского вопроса... я считал наилучшим присоединение герцогств к Пруссии”⁷². Выходу из пикантной ситуации способствовала борьба между претендентами на престол и появление третьего кандидата – великого герцога Петра II фон Ольденбурга, который был предложен Россией, апеллировавшей к своим очень смутным правам на эти земли времен династических перипетий XVIII в.⁷³

Бисмарк знал, что Александр II не поддержит кандидата от национального движения, в чем убедился на встрече с императором 10 июня 1864 г.: “если один из претендентов все же и получит герцогства, это не должен быть Августенбург, поскольку он по своей или не по своей воле превратился бы в *drapeau de la revolution*”^{74,75}. Бисмарк знал, что Петербург исключал апелляцию к плебисциту в герцогствах, предложенному Францией. В апреле 1864 г. в беседе с прусским посланником в Петербурге фон Пирхом⁷⁶ Александр II подчеркнул: “Пруссия и Германия, используя его (это принцип. – *В.Д.*) единожды в своекорыстных целях, вынуждены были бы позволить, чтобы в другой раз, и, возможно, очень скоро он был использован против них”. Эти два варианта решения проблемы, таким образом, имели, с точки зрения Петербурга, революционный оттенок.

Отказ Бисмарка от проведения референдума в герцогствах, по сути, отклонение французского плана решения датского вопроса, поддержка Берлином российского кандидата, великого герцога Петра II фон Ольденбурга – все это демонстрировало подчеркнутое внимание Бисмарка к позиции Петербурга. Это обстоятельство, а также

⁷⁰ Gall L. Bismarck. Der weiße Revolutionär. Frankfurt a.M., 1980, S. 409; Haffer D. Europa in den Augen Bismarcks. Paderborn, 2010, S. 530–531.

⁷¹ Bismarck an Redern, 10.II.1864. – GW, Bd. IV, S. 307–308.

⁷² Бисмарк О. фон. Воспоминания, т. 1, с. 526.

⁷³ Bismarck an Bernstorff und Balan, 28.V.1864. – APP, Bd. V, S. 164; Pirch an Bismarck, 28.V.1864. – Ibid., S.166.

⁷⁴ Drapeau de la revolution – знамя революции (*франц.*).

⁷⁵ Bismarck an Redern, 2.I.1865. – GW, Bd.V, S. 54; APP, Bd. V, S. 603.

⁷⁶ Pirch an den König Wilhelm I., 21.IV.1864. – APP, Bd. IV, S. 757–759.

и фактическое отстранение Англии и Франции от активного участия в урегулировании проблемы, повлияло на то, что Александр II в июне 1864 г. уже не считал восстановление действия Лондонского протокола необходимым условием мирного урегулирования конфликта. Об этом протоколе царь отзывался как о “вышедшем из употребления и устаревшей концепции”⁷⁷. 30 октября 1864 г. в Вене был подписан мирный договор, по которому Дания уступала Пруссии и Австрии в совместное управление герцогства Шлезвиг, Гольштейн и Лауэнбург.

Для решения оставшегося открытым вопроса о престолонаследии в спорных землях Бисмарк предложил собрать специальную комиссию видных немецких юристов. Он писал прусскому посланнику в Вене Вертеру: “В современных условиях ни одно отдельное европейское государство не стало бы противиться аннексии (герцогств Пруссией. – *В.Д.*), тогда как вряд ли через несколько лет, если и вообще такое случится, состояние европейских дел будет таковым, чтобы можно было рассчитывать на подобную терпимость, как сейчас. Есть все основания не упустить такую несравненную возможность”⁷⁸. В меморандуме от 13 февраля 1865 г. Бисмарк объявил о создании еще одной, прусской, специальной комиссии для рассмотрения притязания всех соперничающих сторон на наследство герцогствами⁷⁹.

Несмотря на то, что 16 юридических факультетов крупных германских университетов высказались в пользу Августенбурга⁸⁰, прусская комиссия вынесла заключение, что историческим правом наследования в Шлезвиг-Гольштейне не обладали ни Августенбург, ни Ольденбург, ни король Кристиан IX, не являвшийся наследником прежних датских королей по мужской линии. Соблюдавшие салические принципы престолонаследия германские государства, не могли оказать достойного сопротивления. Право наследования Шлезвигом и Гольштейном признавалось за Пруссией и Австрией. Чтобы еще больше упрочить видимость согласия, Австрия и Пруссия заключили 14 августа 1865 г. в Гаштейне конвенцию о разделе приэльбских герцогств, согласно которой управление Шлезвигом приняла на себя Пруссия, а Гольштейном – Австрия.

Петербургский кабинет поддерживал кажущееся австро-прусское единство: “мы сожалели бы, – подчеркивал Горчаков, – о разрыве между двумя великими германскими дворами”⁸¹. Однако иллюзорность австро-прусского единства стала заметной сразу по окончании Датской войны 1864 г.⁸² В решении датского вопроса по такому сценарию уже начинали произрастать семена разыгравшейся в 1866 г. и определившей судьбу всей Германии австро-прусской катастрофы, в которой важную для Бисмарка роль вновь сыграла Россия.

Братская война, как называют в германской историографии Австро-прусскую войну 1866 г., разделила не только территорию Германии пополам, она оказала огромное воздействие на германское национальное самосознание; всей Европе пришлось считаться с образованием нового государства: Северогерманского союза.

Прусская политика низложения германских династий, конечно же, не могла быть поддержана Александром II, сторонником сохранения на престолах законных европейских правителей. Россия могла бы оказать жесткий отпор прусской политике, если бы не Австрия. Во-первых, между Россией и Австрией существовали сложные противоречия в восточном и славянском вопросах. Но самое главное, – Россия уже более 10 лет ожидала справедливого наказания Австрии за ее неблагодарность во время Крымской

⁷⁷ Bismarcks Aufzeichnung, 11/13.VI.1864. – GW, Bd. IV, S. 460.

⁷⁸ Bismarck an Werter, 2.II.1864. – GW, Bd. V, S. 71.

⁷⁹ Memorandum, 13.II.1864. – Ibid., S. 85–88.

⁸⁰ Бисмарк О. фон. Воспоминания, т. 1, с. 530.

⁸¹ Доклад Горчакова Александру II за 1864 г. – Красный архив, 1939, т. 2(93), с. 106.

⁸² Bismarck an Golz, 16.VIII.1865. – GW, Bd. V, S. 268; Милютин Д.А. Воспоминания. 1863–1864. М., 2003, с. 536–537.

войны. “По мере того как обострялись отношения Пруссии к Австрии, – писал историк С.С. Татищев, – русский двор не скрывал сочувствия своего к первой из них”⁸³.

В Петербурге догадывались о намерении Бисмарка воевать с Австрией⁸⁴. В марте 1866 г. российский посланник в Берлине Убри писал Горчакову: “дело уже идет не только о решении вопроса о герцогствах, но и о переустройстве Германии по усмотрению Пруссии”, а война с Австрией “более чем когда-либо входит в намерения Пруссии”⁸⁵.

Попытка Вены ввести в Гольштейне совместное управление с Фредериком VIII фон Августенбургом, а также созвать при его поддержке представительный орган в Гольштейне⁸⁶ была оценена в Пруссии как нарушение Гаштейнской конвенции. Спустя два месяца нагнетания обеими сторонами напряженности, между ними началась война. В России общественное мнение было на стороне Пруссии; военные успехи прусской армии высоко оценивались Горчаковым и Александром II⁸⁷. Неожиданная для всей Европы победа прусского оружия в битве при Садовой 3 июля 1866 г. фактически поставила точку в войне. В ходе жесткого противостояния с Вильгельмом I и прусским Генеральным штабом Бисмарк доказал необходимость более умеренных требований победителей к побежденным, которые ограничивались приятием на территорию Северной Германии.

Прусский министр-президент провел активную дипломатическую подготовку и выстроил перед петербургским кабинетом обоснованную линию защиты своей, революционной для Германии, политики. Через прусского военного атташе в России Х. фон Швейница Бисмарк передавал Александру II, что “без революции в Пруссии и Германии мы никоим образом не можем отказаться от плодов нашей победы, завоеванной под угрозой нашего собственного существования, или сделать оформление Германии зависимым от решений конгресса”. Бисмарк писал, что в случае активного вмешательства за границы во внутренние дела Германии, он стал бы советовать своему королю “высвободить для противостояния национальные силы Германии и соседних с ней стран”⁸⁸. Демонстративное выдвижение прусских войск к венгерской границе и политические игры Бисмарка в венгерском вопросе делали угрозы Пруссии более реальными. В связи с этим возрастала опасность польской смуты, крайне нежелательной для российского императора.

Для выстраивания продуктивного диалога с Россией Бисмарк в августе 1866 г. отправил в Петербург генерал-адъютанта Э. фон Мантейфеля⁸⁹. В подготовленной на его имя инструкции значилось, что мирный договор, “не обманывающий ожидания нации” и не позволяющий “ослабить связь между королем и народом”, был бы заключен лишь в случае присоединения к Пруссии Ганновера, Кургессена, Нассау и Франкфурта-на-Майне с землями Гессена, севернее Майна. Бисмарк хотел, чтобы Александр II с этим согласился. В ответ Бисмарк был готов рассмотреть варианты компенсаций для России в Галиции или на Востоке за поддержанный ею нейтралитет в завершившейся войне⁹⁰, однако Редерн сообщал, что в разговорах с Горчаковым об этих компенсациях не было и речи⁹¹. В начале августа 1866 г. Бисмарку стало известно, что во влиятельном обществе великой княгини Елены Павловны стали звучать

⁸³ Татищев С.С. Император Александр II, его жизнь и царствование. М., 1996, с. 463.

⁸⁴ Нарочницкая Л.И. Указ. соч., с. 91.

⁸⁵ Oubril an Gortschakow, 13.III.1866. – APP, Bd. VI, S. 663–665.

⁸⁶ Nipperdey T. Deutsche Geschichte 1800–1866. Bürgerwelt und starker Staat. München, 1983, S. 780–782.

⁸⁷ Redern an Bismarck, 7.VII.1866. – GW, Bd. VI, S. 48.

⁸⁸ Bismarcks Telegramm an das Ministerium der auswärtigen Angelegenheiten, 31.VII.1866. – Ibid., S. 93.

⁸⁹ Bismarcks Instruktion an Generaladjutanten Generalleutnant Freiherr von Manteuffel, 7.VIII.1866. – Ibid., S. 103–105.

⁹⁰ Bismarck an Redern, 30.VII.1866. – Ibid., S. 48–49; Bismarck an Redern, 15/16.VII.1866. – Ibid., S. 56.

⁹¹ Redern an Bismarck, 20.VII.1866, – Ibid., S. 114.

высказывания о необходимости для России отмены ограничительных статей Парижского мира. Бисмарк молниеносно отреагировал на эту информацию и телеграфировал Мантейффелю: “Если желание российской стороны об освобождении от Парижского мира в отношении Черного моря внезапно появится, обходитесь с ним любезно. Мы не имеем ни малейшего интереса к дальнейшему существованию этих ограничений”⁹².

9 августа 1866 г. состоялась аудиенция Мантейффеля царем. Александр II после ознакомления с прусским проектом мира отвечал, что его реализация “принесла бы с собой преобразование Центральной Европы, и все европейские державы были бы единодушны в том, что ни одно государство не имеет право санкционировать подобные изменения в одностороннем порядке, и что Пруссии было необходимо показать свою умеренность, дабы утвердить действительно приемлемое положение вещей”⁹³. В этот грозный момент Мантейффель прибег к наставлениям Бисмарка. Вопрос о прусских аннексиях он свел к стоящему перед европейскими державами выбору: либо дать свободу революции и анархии в Центральной Европе, либо достичь гарантированного законного порядка, пусть даже и за счет партикуляристских интересов отдельных германских государств. В ответ “император высказался об этих вопросах таким образом, что я вновь убедился, какого верного друга имеют Его Величество (Вильгельм I. – В.Д.) и Пруссия в императоре Александре”⁹⁴.

Внимательное знакомство с ходом переговоров позволяет критически рассмотреть существующую в советской историографии оценку беседы Александра II и Мантейффеля как “прошедшую в холодных тонах”⁹⁵ и не давшую практических результатов⁹⁶. Укрепление отношений с Россией стало большим успехом прусской дипломатии и лично Бисмарка. В послании Бисмарку⁹⁷ Мантейффель писал: “Главное то, что Россия остается в добрых отношениях (с Пруссией. – В.Д.), мы можем делать то, что мы захотим”. Бисмарк шел еще дальше, играя на опережение. В телеграмме 21 августа 1866 г.⁹⁸ он просил Мантейффеля “осторожно прозондировать, можем ли мы, в случае если вступим в войну с Францией, рассчитывать, по меньшей мере, на то, что Австрию, слабую, как сейчас, Россия поставила бы под такую постоянную угрозу, что нам отсюда ничего не пришлось бы бояться”. Взамен Бисмарк обязался предоставить России услугу, суть которой он не разъяснял. Значение России для Бисмарка, проектировавшего в это время очередную цель для прусской политики, становится ясным после его слов: “наша крепость против Франции зависит от того, что мы можем ожидать в этом случае от России”. Через несколько дней Мантейффель сообщил Бисмарку о результатах своего “зондирования” в Петербурге: “князь Горчаков не пошел ни на что позитивное, но Ваша светлость может твердо выступить против Франции”⁹⁹.

Этот эффект был усилен письмом Александра II Вильгельму I, в конце которого значилось: “моим самым сильным пожеланием будет видеть, как Пруссия и Россия останутся в будущем теми, кем они были в прошлом: старыми и верными союзниками”¹⁰⁰.

Цель прусской политики была достигнута. По Пражскому мирному договору 23 августа 1866 г. Австрия признавала образованный Северогерманский союз, тем самым, господство Пруссии в северной Германии, и соглашалась на выстраивание крепких отношений между Северогерманским союзом и южногерманскими государствами

⁹² Bismarck an Manteuffel, 9.VIII.1866. – Ibid., S. 115.

⁹³ Manteuffel an König Wilhelm I., 11.VIII.1866. – APP, Bd. VII, S. 586.

⁹⁴ Ibid., S. 587.

⁹⁵ Нарочницкая Л.И. Указ. соч., с. 144.

⁹⁶ Чубинский В.В. Бисмарк. Политическая биография. М., 1988, с. 214.

⁹⁷ Manteuffel an Bismarck, 12.VIII.1866. – GW, Bd. VI, S. 131.

⁹⁸ Bismarck an Manteuffel, 21. VIII. 1866. – Ibid., S. 139–140.

⁹⁹ Manteuffel an Bismarck, 24. VIII. 1866. – APP, Bd. VIII, S. 41.

¹⁰⁰ Kaiser Alexander von Russland an König Wilhelm von Preußen, 24.VIII.1866. – Ibid., S. 42–43.

ми, международная независимость которых, тем не менее, сохранялась. Революционные по сути изменения Бисмарка в северной Германии не активизировали бурного национального движения, нежелательного для России вследствие польской угрозы. Пражский мир значительно ослаблял позиции Франции и Австрии в Европе. Кроме того, Россия на своей западной границе обретала хоть и грозного соседа, но пока еще заинтересованного в дружбе с ней сильного союзника, обязанного ей ростом своего могущества.

Союзнические отношения между двумя странами еще больше укрепились в 1866–1870 гг. Произошедшие в этот период международные кризисы, среди которых наиболее заметными были Люксембургский, Румынский и Критский, обозначили существование в Европе двух противоборствующих лагерей: франко-австрийского с явными агрессивными целями и российско-прусского, поддерживающего сохранение безопасности на континенте. Вскоре галопирующая эскалация международной напряженности в Европе столкнула агрессивные курсы двух соперничавших на континенте держав. Франко-германская война 1870–1871 гг. в корне изменила положение дел в Центральной Европе и расстановку сил в международных отношениях в целом.

В этой битве на карту было поставлено все, чего достигла Пруссия при Бисмарке в течение почти десяти лет; чтобы вывести королевство из этой решающей схватки победителем “железному канцлеру” вновь требовалась надежная поддержка сильного союзника в Европе. Эту роль выполнила Российская империя, внесшая, таким образом, неоспоримый вклад в успех объединения Германии.

Еще перед началом боевых действий прусский поверенный в делах в Петербурге фон Пфуль сообщал: “Император повелел передать Его королевскому величеству, что в случае объявления Австрией войны Пруссии император парализует австрийские вооруженные силы армией в 300 000 человек. Если того потребуют военные события, император пойдет на занятие Галиции”. Кроме того, Пфуль передал согласие царя на то, чтобы “находящиеся у Крупна российские орудия были переданы Пруссии”¹⁰¹. В одном из писем Вилггельму I Бисмарк отмечал, что российский император являлся “единственным надежным и верным другом Пруссии и в сложившихся обстоятельствах его можно было рассматривать почти союзником Вашего Величества”¹⁰².

Реализация двух инициатив, с которыми выступил Горчаков в связи с первыми громкими победами немецких армий – создание Лиги нейтралов¹⁰³ и проведение общеевропейского конгресса¹⁰⁴ – могла остановить Пруссию на полпути к заветной цели Бисмарка. “Этого мы никогда не допустим”¹⁰⁵, – кричал Горчаков, когда узнал от вернувшегося из Германии генерал-адъютанта графа П. Шувалова новость, что в Берлине “требуют Эльзас, возмещение всех военных расходов... Главное, каждый заявляет о том, что король... может вступить в Берлин только как император Германии”¹⁰⁶. Принимая это во внимание, Бисмарку приходилось вновь идти на крайние меры и сигнализировать Петербургу, что “неудовлетворительный для Германии мир проложит дорогу для республики и социализма”¹⁰⁷.

Секретная переписка между Бисмарком и прусскими дипломатами за рубежом подтверждает искреннюю заинтересованность прусского канцлера в крепких связях с Россией в это решающее для судьбы Германии время¹⁰⁸.

¹⁰¹ Pfuell an Bismarck, 16.VII.1870. – GW, Bd. VIb, S. 389.

¹⁰² Bismarck an den König Wilhelm I, 23.VII.1870. – WiA, Bd. IV, S. 499–500.

¹⁰³ Prinz Reuß an Bismarck, 7.VIII.1870. – *Rheindorf K. Die Schwarze-Meer-(Pontus-) Frage: 1856–1871*. Berlin, 1925, S. 78.

¹⁰⁴ Bismarck an Prinzen Reuß, 6.IX.1870. – GW, Bd. VIb, S. 476–478.

¹⁰⁵ Prinz Reuß an Bismarck, 16. VIII. 1870. – *Rheindorf K. Op. cit.*, S. 143.

¹⁰⁶ Prinz Reuß an Bismarck, 12. VIII. 1870. – GW, Bd. VIb, S. 455–456.

¹⁰⁷ Bismarck an Prinzen Reuß, 15.VIII.1870. – WiA, Bd. IV, S. 512.

¹⁰⁸ Bismarck an Bernstorff, 28.XI.1870. – *Ibid.*, S. 588–589.

Бисмарк согласился оказать Петербургу услугу в осуществлении давней мечты Александра II: отмене ограничительных статей Парижского мира. Он прекрасно помнил, как Петербург разочаровался в политике Франции, когда не получил обещанную Наполеоном III помощь в этом важном для себя вопросе; а российский император после того совершенно охладил к идее русско-французского сближения. “Если Россия имеет пожелания в отношении Парижского трактата, мы сделаем их своими собственными”,¹⁰⁹ – сообщал Бисмарк Ройсу в качестве официального заявления министерства иностранных дел Северогерманского союза.

Постановкой вопроса о Проливах Бисмарк наносил серьезный удар идее формирования Лиги нейтральных государств. 7 ноября 1870 г. прибывший в Версаль генерал М. Н. Анненков доставил письмо Александра II Вильгельму I¹¹⁰, в котором говорилось о желании царя освободить Россию от уз Парижского мира¹¹¹. В телеграмме 9 ноября 1870 г. Бисмарк сообщал Ройсу в Петербург, что “Пруссия удовлетворит просьбу императора”¹¹². На прусских военных должны были успокаивающе подействовать слова Горчакова, переданные Ройсом из Петербурга в конце сентября: “берите Эльзас-Лотарингию и то, что Вы еще хотите взять, если Вы в состоянии переварить это тяжелое кушанье; мы Вам в этом не воспрепятствуем”¹¹³. В ходе кампании 1870 г. обеим странам удалось решить свои национальные задачи: Пруссии – объединить Германию под властью дома Гогенцоллернов, России – аннулировать ограничительные статьи Парижского мирного договора.

На протяжении почти 10 лет оба государства без всякой договорной базы поддерживали крепкие союзнические отношения. Во многом это было обусловлено необходимостью решения схожих внутривосточных и международных задач, отсутствием между ними взаимных противоречий и наличием у них серьезных разногласий с Австрией, Англией и Францией.

Помимо политических факторов, складыванию тесных связей между Россией и Пруссией содействовали личные отношения между Александром II, Вильгельмом I и Бисмарком. Приобретенный в России неоценимый опыт общения с высокопоставленными государственными деятелями помог Бисмарку позже правильно оценивать политическую ситуацию в Петербурге. Выданный Александром II Пруссии кредит политического доверия за прусский нейтралитет в годы Крымской и Итальянской войн, а также за поддержку России во время Польского восстания, Бисмарк целиком использовал в годы объединения Германии, сильнее втягивая Россию в сферу международных интересов Пруссии.

Разрушая Венскую систему, откорректированную Парижским мирным договором 1856 г., события 1871 г. открыли перед Европой новую главу в истории международных отношений, в которой суждено было претерпеть изменения и российско-германским отношениям.

---

¹⁰⁹ Bismarck an Prinzen Reuß, 24.VIII.1870. – GW, Bd. VIb, S. 457–458.

¹¹⁰ Kaiser Alexander II. an den König Wilhelm I., 31.X.1870. – Die große Politik der europäischen Kabinette 1871–1914, Bd. II. Berlin, 1927, S. 4.

¹¹¹ “Не раз мне случалось слышать от Государя, что он не умрет спокойно, пока на сердце у него лежит тяжелым бременем Парижский трактат 1856 года и в особенности две статьи его: одна – ограничившая державные права России на Черном море, другая – оторвавшая от империи клочок Бессарабии”. – Милютин Д.А. Указ. соч., с. 300–301.

¹¹² Bismarck an Prinzen Reuß, 9.XI.1870. – *Rheindorf K.* Op. cit., S. 94.

¹¹³ Prinz Reuß an Bismarck, 29.IX.1870. – GW, Bd. VIb, S. 534.